

В. Тусев

ШПАРГАЛКА ДЛЯ ГРАБИТЕЛЕЙ

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Шпаргалка для грабителей

«ЭКСМО»

2009

Гусев В. Б.

Шпаргалка для грабителей / В. Б. Гусев — «Эксмо»,
2009 — (Дети Шерлока Холмса)

Да, преступление готовится на самом деле! Даже несколько преступлений... К счастью, Дима Оболенский услышал о них, спрятавшись в бочке. Криминальный авторитет по кличке Пасюк, который планирует ограбление местного банка, хочет еще зачем-то похитить из музея старинный чертеж крыльев! Не слабо... Но Димин младший брат Алешка уже не раз срывает планы бандитов. Сегодня ночью Пасюк собирается заглянуть в музей тихого города Липовска? Ну что ж, его будет ждать там сюрприз!

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Гусев

Шпаргалка для грабителей

Глава I

Город колдунов

Эта история началась очень обычно. А если точнее – с самого обычного папиного вранья. Не удивляйтесь, сейчас все объясню.

Наш папа (он полковник милиции), как только ему предстояла какая-нибудь опасная поездка, тут же придумывал для мамы, как он говорил, легенду.

– Ну какая там командировка, – улыбался он маме, убедительно прижимая обе руки к одному животу. – Еду отдохнуть, к старым друзьям. Рыбалка, охота, крепкий сон на сеновале, пробежки на свежем воздухе. Веришь?

Мама верила (или делала вид, что верит), а потом, спустя большое время, мы узнавали... Рыбалка – это засада на берегу озера, охота – это задержание опасных преступников, крепкий сон на сеновале – это бессонные ночи в местном отделении милиции, а пробежка на свежем воздухе – это погоня за бандитами под мерзко свистящими пулями.

Но на этот раз неправды было, наверное, мало. Так как папа сказал маме, что он берет нас с собой. Своими любимыми детьми он рисковать бы не стал. Правда, и в папин отдых мы тоже, в общем-то, не очень поверили. Работники милиции просто так отдыхать не ездят. Они все время работают. И в будни, и в праздники. И днем, и ночью. И в дождь, и в снег. Потому что беда человеческая не выбирает ни хорошую погоду, ни приятное время суток. Скорая медицинская помощь и скорая милицейская помощь выезжают по первому тревожному зову.

– Не волнуйся, мать, – говорил папа на кухне за чашкой кофе. – Это славный маленький зеленый городок. И очень тихий. Его даже на карте нет. Но он очень древний. И очень исторический. В нем в стародавние времена жили удивительные, необыкновенные люди...

– С двумя головами, что ль? – недоверчиво перебил его Алешка.

– Возможно, – ответил папа, немного подумав, – я их не видел. Но они умели летать на крыльях из птичьих перьев, они слагали сказки и былины, умели лечить, колдовать и делать шапки-невидимки.

– Круто! – обрадовался Алешка. – Мне бы такую шапочку!

– А зачем? – спросил папа. С очень хитрой иронией.

Но Лешка и глазом не моргнул и даже на секунду не задумался:

– Я бы, пап, ограбил банк и все деньги раздал бы бедным людям и беспризорным детям.

– Молодец! – похвалила его мама.

– А потом? – спросил папа.

– А чего потом? – Алешка даже поморщился от папиной недогадливости. – А потом еще один. А потом опять. В общем – все банки ограбил бы!

У него прямо целая программа. Мама смотрела на него, широко распахнув глаза, а папа чуть заметно улыбался. И он сказал:

– Ну вот, Леш, кончились банки, кончились деньги. Что дальше-то?

– А все! – Алешка пожал плечами. – Бедных уже нет. Все стали одинаковыми. И никому воровать и грабить не надо.

Распорядился! Как, оказывается, легко решается проблема социального неравенства. Были бы шапка-невидимка да денежки в банках...

Маме эта программа очень понравилась, и она сказала решительно:

– Езжай, Ленька! Ищи эту шапочку. А я тут работу проведу. Со своими подружками и соседками. И с вашими школьными учителями. Чтобы тебя в президенты выбрать. Уж Зинка точно за тебя проголосует.

Мама права. Ее подруга Зинка за кого хочешь проголосует. Лишь бы ее по телевизору показали. Один раз в ее жизни такое счастье уже случилось. Какой-то корреспондент с оператором снимали какую-то очередь в какой-то новый магазин. Корреспондент долго тараторил какую-то чушь, а потом сунул Зинке под нос микрофон: «А вы что скажете?» И Зинка сказала: «Иди отсюда, дурак!»

И с этого момента вся жизнь лучшей маминой подруги тети Зины разделилась на две части: до и после. В любом разговоре она подчеркивала:

– Это когда еще было? Это было еще до того, как я снималась на телевидении. А уж вот это было после.

Короче говоря, мы с папой отправились за шапкой-невидимкой. В славный, маленький, зеленый, тихий городок Липовск. А там началось!.. По полной программе. Рыбалка, охота, сладкий сон на сеновале, пробежки на свежем воздухе. Мрачные подвалы и летающие колдуны в лебединых перьях... Надеюсь, это понятно?

Липовск и правда был очень славный. Мы подъехали к нему со стороны какого-то холма и увидели его сверху, целиком и полностью. Он лежал перед нами, как маленький старинный зеленый торт на большом блюде. Каемкой у этого блюда была узкая речка Липовка, заросшая по берегам кустарником и корявыми ветлами.

На холме, как нам рассказал папа, тыщу лет назад стояла настоящая крепость с подземными ходами. Сейчас на этом месте ведут раскопки археологи. Мы даже увидели их несколько штук. Они там, в своих комбинезонах и шляпах с полями, бродили и копались в земле, наверное, выкапывали из нее всякие древности. Очень старые, но очень ценные. В виде сгнивших деревяшек и ржавых железок. И битых черепков.

Алешка опустил стекло в дверце и помахал им изо всех сил рукой. Но они ему в ответ не помахали. Насколько я знаю своего младшего брата, он такое невежливое невнимание без ответа не оставит.

А мы между тем спустились с холма в город и остановились возле двухэтажного деревянного здания старинного типа, уютно расположившегося под двумя развесистыми липами. Это была гостиница. Папа объяснил, что раньше это была не гостиница, а это был так называемый «Дом колхозника». Когда колхозники и крестьяне приезжали в Липовск, чтобы продать на рынке свои овощи и фрукты, то они ночевали в этом бревенчатом доме. А сейчас этот дом приветливо распахнул перед нами скрипнувшую дверь. Не сам дом, конечно, распахнул, а охранник в виде швейцара. Это был молодой краснощекий парень. И он что-то с трудом жевал. И с трудом думал, молча глядя на нас. Проглотил... и сказал:

– Оболенские? Прошу в апартамент. Вас ждут. Второй этаж, «угловой люкс».

«Угловой люкс» оказался чем-то вроде двухкомнатной квартиры, с маленькой кухней и санчиком. Обстановка – скромная и простая. В первой комнате – это для нас с Алешкой – телевизор, два диванчика, журнальный столик с вазой для цветов, два кресла в белых чехлах и картина художника Шишкина про мишек, срисованная с конфетной обертки.

В другой комнате – для папы – кровать, письменный стол с телефоном и маленький сейф в углу.

Когда мы вошли, то увидели, что возле журнального столика сидит молодой офицер милиции, а на вазе без цветов висит его милицейская фуражка. Он браво вскочил, кинул фуражку на голову, отдал честь и доложил:

– Майор Шишкин. Прибыл в ваше распоряжение.

– Очень хорошо, – сказал папа. – Здравствуйте, майор.

– А это ваша опергруппа, товарищ полковник? – Это майор про нас с Алешкой спросил. – Товарищей надо покормить с дороги. Пойдемте в буфет.

Майор Шишкин подошел к двери и крикнул в нее:

– Кистинтин!

Вошел задумчиво жующий охранник. Красные щеки его усердно шевелились.

– Кистинтин, – приказал ему майор, – принесите вещи полковника из машины.

– Кистинтин, – негромко и с уважением повторил Алешка. – Иностранец, наверное.

– Не думаю, – возразил майор Шишкин. – Просто его так прозвали.

Буфетчица по имени тетя Нюта, пожилая старушка, посмотрела на Алешку с сочувствием и сказала:

– А тощей-то. Плохо кормленный. Надо его поправлять. – И она поставила перед Алешкой тарелку с сочной котлетой, величиной с футбольный мяч, и с жареной картошкой.

– Я столько не съем! – ужаснулся Алешка.

– Я тебе помогу, – успокоил его папа.

Нам с папой котлеты достались размером поменьше, но тоже очень вкусные, и картошки с солеными огурцами было много.

И мы зазвенели вилками и стаканами с яблочным компотом. Алешка довольно быстро управился и отложил вилку.

– Помочь? – усмехнулся папа.

– Помоги, – усмехнулся Алешка и, отдуваясь, отодвинул пустую тарелку.

Майор Шишкин одобрительно крикнул.

Словом, в буфете нам понравилось. Он, наверное, еще помнил те времена, когда здесь «заправлялись» добротной деревенской пищей приезжие колхозники...

– Ну что, товарищ полковник, – сказал майор, когда мы вернулись в свой «люкс», – поедем в район, в Управление? А ребята пока с городом познакомятся.

– Не заблудятся? – спросил папа.

– Никак нет. Тут всего одна улица. Остальные – переулки. Пять штук всего.

В общем, папа уехал в Управление, «крепко поспать на сеновале», а мы пошли знакомиться с одной улицей и со всеми переулками.

«Одна улица» протянулась от реки, от пешеходного моста, до круглой площади, мощенной старинным блестящим булыжником; между камнями пробивалась кое-где тоненькая зеленая травка.

Сначала мы с Алешкой, конечно, поднялись на холм, где археологи вели раскопки крепости и ее подземных ходов.

Чем занимаются археологи, любой дурак знает. Напомню: выкапывают из глубины земли всякие битые черепки, всякие гнутые ржавые железяки, всякие гнилые деревяшки и рассыпающиеся от одного взгляда кости. И каждый раз ахают: «Ах! Это кости козла девятого века! Ах! Это фрагмент человеческих портков десятого века! Ах! Это наконечник для стрелы двенадцатого века!» – «Что вы, коллега, это фрагмент штопора нашего века!»

В общем, они там всю ахают над своими находками, но никого к себе поахать вместе с ними не подпускают. Мы побродили вокруг раскопок, огороженных пестрой лентой на кольшиках: «Пост. вх. запр.!» За этой лентой, где-то в каких-то траншеях бродили бородатые люди в комбинезонах и, завидев нас, махали нам руками, чтобы мы к ним не лезли.

А мы и не лезли. Пока что. Пока что нам и без них было не скучно. Мы пока что знакомились с городом. Нам в этом деле никто не мешал: папа уехал в райцентр на рыбалку или на сеновал, а в самом городе людей было очень мало, одни козы бродили по главной улице. Они время от времени блеяли, щипали редкую травку и пытались зачем-то обгладывать кору деревьев.

В общем, мы спокойно бродили по городу. По правде говоря, бродить-то особенно было негде. В городке, как и предупредил майор Шишкин, была только одна улица, главная. Она называлась красиво и загадочно – «Б. Липовая ал.». Алешка, как задумчивый козленок, уставился в табличку с названием улицы и попытался его расшифровать.

– Липовая, Дим, это ясно. Это значит – ненастоящая, так? Говорят же: «липовые документы» – значит, фальшивые. «Б» – это значит «Бывшая», а «ал.» что такое? Алая, что ли? Или алюминиевая?

– Улица алкоголиков, – усмехнулся я.

– Чушь какая-то, – фыркнул Алешка.

Отчасти я с ним согласился. Правда, заметил про себя, что «Липовая» бывшей никак не может быть – на улице росли два ряда нынешних (а не бывших) лип, но только старых. С огромными густыми кронами и с листьями, как у лопуха. Из-за них вся улица была в приятной прохладной тени, и лишь по земле бегали шустрые солнечные пятна. И стоял густой аромат, будто на этих липах распустились пахучие цветы. Наверное, так и было – деревья ведь тоже цветут.

«Б. Липовая» нам понравилась. Мы прошли ее всю, от реки до булыжной площади, где был центр города. Здесь расположились небольшая красивая церковь, вся очень новенькая, наша небольшая деревянная гостиница с жующим охранником и небольшой магазинчик, в котором продавалось все вместе: и продукты, и промтовары, и стиральные порошки. Все товары были точь-в-точь как в Москве. Нисколько не хуже. Но и нисколько не лучше.

А в глубине, уже не на площади, а за церковью, вытянулось длинное двухэтажное здание очень старинного и заброшенного вида. Ему явно не хватало стекол в окнах, и ржавая железная крыша уже начала прорастать маленькими курчавыми березками. Над входом в здание, прямо над широкой двустворчатой дверью, сохранились фрагменты вывески этого мрачного дома: «ца Пари».

– Класс! – воскликнул Алешка. – Иностранный дом. На бывшей улице – бывший дом.

От бывшего дома «ца Пари» мы опять пошли по бывшей Липовой до берега реки. Не бывшей, конечно, а самой настоящей. С мостом, который висел на ржавых тросах и задумчиво поскрипывал. Мы, конечно, дошли по колеблющемуся настилу до самой середины моста и дружно начали его раскачивать, приседая и припрыгивая. Мост заскрипел еще веселей: давненько он так не развлекался. Но тут Алешка сказал:

– Ну его, Дим! Оборвется еще – отвечать придется.

Я согласился с ним. Хотя, если бы мост оборвался, отвечать нам вряд ли бы пришлось – высота до реки была приличная.

Когда мы пошли обратно, на Б. Липовой кое-что изменилось. Стало многолюднее. Не намного, правда, всего один человек прибавился. В виде маленькой старушки, которая зачем-то шустро подпрыгивала под самой большой липой. И трепала ее за густые космы.

– Что это она скачет? – удивился Алешка. – Зарядку, что ли, делает?

– Цветочки собирает. Лекарственные.

– Они на дереве, что ли, растут? А я думал – только в поле. Смотри, смотри! – Алешка схватил меня за рукав.

Посмотреть было на что. К увлеченной сборами липового цвета бабке подкрадывалась сзади ободранная коза с нечесаной бородой, уже нацелив свои рога.

– Кыш! – заорал ей Алешка. – Брысь! Фу!

Коза так удивилась – наверное, тоже приняла Алешку за иностранца, – что остановила нападение, задрала голову, пожевала губами, мекнула, подпрыгнула и скрылась в переулке 3-й Липовой.

– Дим, давай бабушке поможем? Попрыгаем с ней за цветочками.

Попрыгать ему захотелось, дурной козий пример.

Бабуле Алешкина помощь понравилась. Тем более что у него попрыгать лучше получалось. Мне даже смешно стало: прыгают под деревом маленький резвый козленок и старенькая прыткая... Ну, не коза, конечно, а старушка.

– Давай, давай, милоч! – подзадоривала Алешку бабулька. – Вон с той давай, с раскидистой, у ней цвет попышнее, да поскорее давай. А то Михална придет и нам ничего не оставит, все оберет.

– А Михална – это кто? – запыхавшись, спросил Алешка.

– Конкуренша. Все норовит шибче меня дерева обобрать. Вот отцеда, – она широко развела руки, – доцеда соберем – и фиг ей останется.

Так и получилось. До прихода «конкуренши» Михалны мы обработали почти всю правую сторону Б. Липовой (левую сторону бабулька обобрала еще на рассвете) и набили полную сумку. В таких сумках раньше «челноки» турецкие куртки возили.

Старушка перевела дыхание: «Поспели!» – и, довольная, уселась на скамейку, поставила на нее сумку.

– Теперя Михална от злости лопнет. Она каждый раз, как я ее обгоняю, лопается.

– Живучая, – с уважением сказал Алешка.

– И не говори! – согласно кивнула бабулька. – Как змея. И то сказать, она ведь ведьма.

– Настоящая? – обрадовался Алешка. – Кусачая?

– А я знаю? – Бабуля сняла с головы платок, откинула его на плечи. Под этим платком у нее был другой – черный в красных розочках. – Может, и кусачая. Я ей пальцы в рот не клала. – Она развязала очередной платок (который с розочками) и оказалась в беленьком, в синих васильках. И даже похорошела – такая чистенькая, аккуратная старушка, похожая на добрую... Бабу-Ягу. Ей, видать, тоже палец в рот не клади.

Бабулька расстелила один из платков на скамейке и стала перебирать липовый цвет, обрывая лишние листочки и сухие почки.

– А они зачем вам? – спросил Алешка. – Козу кормить? Чтобы молоко одеколоном пахло?

– Еще чего! Козу таким добром кормить! Для здоровья, милоч. Он же полезней! Если его в чай заваривать.

– От чего «полезней»?

– От всего!

– И если ногу сломаешь?

– А то! Токо ты ноги-то не ломай.

– Ладно, – пообещал Алешка, пристраиваясь на скамейке, – не буду. Меня Алешкой зовут.

– Митревна. – Старушка протянула ему, отряхнув, узкую сухую ладошку, похожую на куриную лапку, всю в синих жилках и желтых веснушках. – Ты откедова будешь-то?

– Оттедова, – мотнул Алешка головой. И совсем уж подлачился под ее говорок: – Издаля.

– Да ну! – удивилась Митревна. – Ишь ты! А чего приехал?

– Отдохнуть, – вздохнул утомленно Алешка, будто только что из шахты вылез. – Устал. Весь год в школу ходил. В любую погоду.

Митревна шустро перебирала желтовато-кремоватые цветочки, работала пальчиками и языком. Болтала, словом.

– Отдохни, отдохни, милоч. Тебя как звать-то? Лешка? Отдохни, Лексей. У нас тут все для этого имеется. И магазин, и музея, и столовка, и ментовка. – Продвинутая бабка. Не хватало нам только в «ментовке» отдыхать. – Правда, ментовка подале будет, в области. Зато речка рядом, под горой. Махонькая, но тебе хватит. И покупаться можно, и постираться. А это кто с тобой будет? – Она указала на меня – заметила наконец-то. – Брательник? Ничего себе – солидный. Директором станет, по всему видать. А ты?

– А по мне видать – президентом. Мама велела.

– Мамку надо слушать. – Пальчики Митревны проворно бегали, горка очищенного цвета росла на платке с розочками. – Мамка плохого не пожелает. Делай, как мамка учит, и в беду не попадешь.

– Мамка дома осталась, – вздохнул Алешка.

– Тогда я тебе скажу: на речку ходи, в церкву ходи, в магазин ходи, а вон туды, – Митревна указала на заброшенный дом с березками на крыше, – туды не ходи. Плохое место.

– А там что?

– Гостиница прежде была, давно брошенная. Там никто не живет. Только крыса да Максимыч. Место нечистое, привидения там развелись.

У Алешки загорелись глаза.

– Настоящие?

– А то! Гостиницу эту еще когда купец соорудил! Дочка у него была, красавица. Румяная, коса до пояса. Сгубил он ее.

– Зачем?

– Полюбила. Ихнего дворника и полюбила. Герасим его звали.

– Который Муму утопил?

– Никого он не топил! – Митревна рассердилась. – Совсем наоборот – красавец был, усы...

– До пояса? – догадался Алешка.

– Сам ты до пояса! Нормальные усы – до плеч... Отец-то как узнал про ихнюю любовь, так сразу велел Герасима в подвале выпороть и в деревню его отправить. А дочка повесилась, в гостинице. Или утопилась, в Липовке. Или отравилась, в гимназии. Но, видать, неловко у нее это все вышло. До сих пор по ночам в подвале бродит, все Герку зовет, жалобно так, будто крыса пищит. Так что туда ты не ходи.

Лучше бы она этого не говорила. Я понял, что не будет у меня спокойного отдыха. Будет рыбалка в Управлении, охота на сеновале, пробежка за привидениями...

– А Максимыч? – спросил Алешка. – Тоже привидение?

– Ага! В сто пудов весом. Он колдун. Но добрый...

Про стопудового колдуна Максимыча мы не дослушали. На горизонте появилась разъяренная ведьма Михална. Одной рукой она размахивала палкой, а другой волокла за собой сумку на колесиках.

Наша Митревна махом сгребла липовый цвет в сумку и... исчезла. Будто ее и не было.

– На помеле улетела, – проворчал Алешка. – Тут, Дим, этих ведьм и колдунов – завались. Вот это было сказано радостно. С предвкушением... А мне это надо?

Глава II

Мишки на отдыхе

Мы немного постояли, слегка ошалевшие, прислушиваясь к затихающим задорным крикам и стуку колесиков сумки по булыжнику Б. Липовой.

– Во! – удовлетворенно произнес Алешка. – Мы опять в центре событий. Две ведьмы подрались.

Не больно-то я знаю, что такое ведьмы, не общался, но уверен: когда они дерутся, поме-лами там или ступами, лучше в это время держаться от них подальше.

– Пошли, – сказал я Алешке, имея в виду удалиться от места схватки.

– Ага! – он явно обрадовался, неправильно меня поняв. – Пошли, посмотрим, как они будут сражаться на мосту.

Я молча сунул ему под нос фигу и потащил за рукав в другую сторону, к церкви.

Церковь, я уже говорил, была очень красивая. А сейчас особенно, она вся светилась в лучах заходящего солнца. Широкие двери ее были распахнуты; доносилось тихое пение и мерцали в глубине огоньки лампадок и свечей.

Заходить в церковь мы не стали: Алешка был еще атеистом, а я еще не определился. Мы просто побродили вокруг, полюбовались. Колокольни здесь не было. Вместо нее стояло в сторонке сооружение в виде здоровенной трапеции: два столба, а наверху мощная перекладина в виде бруса. И на этом брус висели в ряд, по размеру, колокола с церковнославянскими надписями на «юбках». Из-под «юбок» свисали веревки, концы их были замотаны вокруг еще одной перекладины, нижней и потоньше. Наверное, чтобы не болтались от ветра.

Алешка тут же начал разматывать веревку самого большого колокола.

– Не вздумай! – предупредил я. – Попадет!

Алешка воровато оглянулся на распахнутую дверь:

– Да пока они выскочат, Дим... Я один разочек звякну...

Но как только он ухватил конец веревки, раздался резкий звук – Алешка отскочил и вытаращил глаза:

– Сигнализация, что ль?

Это была не сигнализация. Это возле нашей гостиницы сигналил нам милицейский «уазик» – видно, папа вернулся.

Алешка с сожалением примотал веревку на место. Мы пошли к гостинице. Папа и майор Шишкин стояли возле машины, ждали нас.

– Набегались? – спросил папа. – Чем вы старушек напугали?

– Это они нас напугали, – сказал Алешка. – Старинные ведьмы.

– Елена Дмитриевна, – сказал майор Шишкин, – не ведьма, она травница.

– Травой питается? – удивился Алешка.

– Нет, – майор не удивился. – Она лечит травами. И очень успешно.

– Парни, – сказал папа, указывая на майора, – Иван Иваныч приглашает нас к себе на ужин. Вы как?

Отважный человек этот Шишкин, подумал я. Он ведь видел, как мы наворачивали в буфете.

– Я согласен, – сказал Алешка. – Мне ваши местные котлеты понравились.

– Поехали. – Шишкин распахнул дверцу «уазика». – Здесь недалеко.

А мы и не сомневались. Машина выехала на Б. Липовую ал. (оказалось – это Большая Липовая аллея, нам Шишкин объяснил), свернула в 1-й Липовый пер. и остановилась возле

типичного деревенского дома. Тут даже был колодец и стояла в уголке двора добротная собачья будка. Правда, пустая.

– А где собака? – сразу же спросил Алешка. – Она овчарка?

– Овчарка, – кивнул майор Шишкин. – Рексом зовут. Он погулять пошел.

Майор Шишкин жил один. Не считая собаки. Которая каждый вечер уходила на всю ночь погулять по главной улице под липами. Но в доме был изумительный порядок. И даже висело много красивых картин. Некоторые – в рамочках, а некоторые просто в виде картонок. Но все равно очень красивые. И выяснилось, что все эти картины написал майор милиции Шишкин.

– Стоп! – Алешка вытаращил глаза. – Это вы тот самый Шишкин? Который у нас в номере висит? Который «Мишек на отдыхе» нарисовал? Не слабо!

Шишкин от души рассмеялся:

– Нет, эта картина была написана другим Шишкиным, в позапрошлом веке. – И тут он нахмурился: – Только называется она не «Мишки на отдыхе», а «Утро в сосновом лесу». Мне очень не нравится, когда перевирают названия картин. Особенно когда это делают люди, которые считают себя грамотными.

– А я и не считаю себя грамотным! – заявил Алешка с возмущением. – Вот еще! Больно надо!

– А я и не про тебя говорю. Тут как-то по телевизору выступал очень известный писатель. Он так и говорил: картина «Три богатыря», картина «Иван Грозный убивает сына»! А мне так хотелось позвонить в студию и сказать: «Нет таких картин!»

– Как это нет? – удивился Алешка. – Я их сколько раз видел.

– А вот и нет! – запальчиво возразил обиженный Шишкин. – Есть картина «Богатыри». Есть картина «Иван Грозный и сын его Иван».

– А что же не позвонили-то?

– А чего звонить? Кто б меня послушал, сельского мента?

– Да, – Алешка сочувственно вздохнул, – небось, если бы вы переверали названия его книг, уж он бы расшумелся!

– Довольно, – сказал папа. – Есть хочу.

Майор (или художник?) Шишкин нас здорово накормил. Как тетя Нюта в буфете. Он, наверное, привык о себе заботиться без женской руки.

– Вам жениться надо, – сказал Алешка.

– Это еще зачем? – удивился Шишкин.

– Ну... чтоб после ужина кто-нибудь посуду помыл. – И он с намеком посмотрел на меня.

– Вот ты и помой, – сказал я.

– Мне нельзя, – отказался Алешка. – У меня посуда здорово бьется.

Когда я помыл посуду, мы снова пошли смотреть картины. И они нам еще больше понравились. На картинах в основном были изображены виды города Липовска. Причем выглядели они лучше, чем на самом деле. Особенно здорово смотрелась старая гостиница «ца Пари», так и чудилось, что в ее глубине бродят неприкаянные тени прошлого. А в одном окне даже казалось, что светится робкий огонек свечи.

– А чего она так странно называется? – спросил Алешка. – По-заграничному.

– Да ничего странного, – усмехнулся Шишкин. – Просто от прежнего ее названия «Гостиница «Париж» только эти буквы сохранились: «ца» и «Пари».

– А какой там колдун живет?

– Максимыч-то? Да он теперь не колдун, он сторож. На это здание один деятель глаз положил, решил его захватить. А мы хотели его отдать детскому дому. Вот, пока разборка идет, Максимыч оборону держит.

– Один? – Алешка распахнул глаза. – Против всех?

Все ясно, теперь неведомый нам Максимыч будет не один. Теперь нас будет трое.

– Один-то один, – как-то загадочно усмехнулся майор Шишкин, – но в бою он целой роты сильнее.

– Так, – сказал папа. – День был трудный, пора на отдых. Спасибо, Иван Иванович.

– Спасибо, – сказал и Алешка. – Все было очень вкусно. Особенно ваши картины. Мы утром к вам завтракать придем.

– Шутка, – поспешил успокоить папа.

– Да я не возражаю, – сказал Шишкин.

Очень он нам понравился.

Обратно мы пошли пешком. Было довольно приятно. Тишина, только легкий шелест листьев да густой запах липового цвета. Да в церкви светились лампадки. Да мелькала под деревьями собачья тень овчарки Рекса.

Мы с Алешкой шли впереди. Я дышал воздухом и наслаждался тишиной. Алешка прислушивался к тихому разговору, который вели за нашими спинами товарищ майор и товарищ полковник. Я тоже кое-что уловил, но не придал этому значения. А зря...

– Так вы думаете, товарищ полковник, что они начнут глубокую разведку?

– Обязательно. Я этого Пасюка хорошо знаю. Осторожен и расчетлив. В мышеловку без проверки не сунется...

Тут мы пришли к своему колхозному дому и тепло попрощались с майором.

– Пап, – спросил Алешка, когда мы ложились спать, – а кто такой Пасюк?

– Пасюк... – Было слышно, как папа зевнул в соседней комнате. – Пасюк – это серая крыса. Злая и вредная. И очень жадная.

Утром, едва проснувшись, я сразу же понял, что в первую очередь Алешка потащит меня в «ца Пари», знакомиться с местными привидениями. Особенно с гимназисткой позапрошлого века, которая сначала утопилась в подвале, а потом отравилась в реке. Я в эти легенды не очень-то верю. И в колдунов с ведьмами – тоже. А во всяких экстрасенсов – тем более. По-моему, все они жулики. Обирают несчастных людей, которые отчаялись в своих болезнях и готовы отдать за лечение последние деньги.

Один раз по телевизору показывали такую «волшебницу», она исцеляла все болезни одним взглядом. И хитрый корреспондент попросил вылечить его насморк. Одним взглядом на его распухший красный нос. «Волшебница» нахмурилась, возвела глаза куда-то наверх, поплямкала губами и сказала:

– Звезды не так легли. Не для лечения насморка.

– А когда они «так» лягут?

Опять возвела, поплямкала:

– Через семь дней, в это же время. Приходите в мой центр. Я вас приму без очереди.

– Через семь дней мой насморк и так пройдет.

– Ну, что-нибудь еще заболит. Приходите.

Вряд ли он пришел к ней «что-нибудь еще» лечить.

Завтракать к майору Шишкину мы не пошли – они с папой, оказывается, уже уехали по своим делам. Папа оставил на столике записку и деньги. «Завтракать в буфете. Отдыхать культурно. Бабулек по городу не гонять». И подпись: «полковник Оболенский».

– Есть, товарищ полковник! – сказал Алешка и быстренько влез в джинсы. – Завтракать культурно, бабулек по буфету не гонять. – И обратился ко мне: – А кого гонять будем, Дим? Привидения?

Так я и знал!

– В музей пойдем, культурно отдыхать.

Алешка неожиданно согласился. Очень странно. Он не любит, когда нарушают его планы. Одно из двух: либо хитрит, либо музей почему-то оказался в его планах. Я знаю Алешку уже

десять лет, и если он что-то затевает, не пытаюсь понять его заморочки и не вмешиваюсь до тех пор, пока ему это не понадобится. Поэтому не стал ничего выяснять, и после завтрака мы пошли в музей.

Как и все в этом городе, музей был невелик. Честно говоря, он был даже мал – всего два зала.

Сразу за дверью, в каморке за стеклом, сидела светловолосая девушка и читала книгу. Подняла голову и спросила:

– Экскурсовод нужен?

– Разберемся, – сказал Алешка. – Не маленькие.

Она высунулась в окошко, чтобы получше его разглядеть, потому что, кроме его хохолка, на макушке ничего толком не видела. Улыбнулась, убедившись, что он «не маленький». Выдала два билета со штампом «Липовский краеведческий музей», порвала их и кивнула в сторону первого зала.

– Если что-нибудь будет непонятно, – сказала она, – покричите – я приду.

Музей, повторюсь, был маленький, но интересный. В первом зале были самые обычные экспонаты: почему-то громадный белый медведь на задних лапах и с медным подносом в передних лапах, старинная карта Липовска, ржавый шлем, весь в дырках («Кастрюля какая-то», – оценил Алешка этот экспонат), деревянное кресло на кривых ножках. И почти полкомнаты занимала экспозиция под названием «Интерьер крестьянской избы второй половины XVIII века».

Интерьер был как настоящий, здорово сделан. Стены – из серых бревен, крохотное окошко, затянутое слюдой, за которым что-то синело, вроде как бы небо второй половины XVIII века. Темные иконы с лампадкой в углу, здоровенная печь, в которой будто бы теплились угольки. Подвешенная к низкому черному потолку деревянная люлька, из которой свисало какое-то цветное тряпье и торчала вверх голая пластмассовая нога «младенца».

Вдоль стен – лавки, полки с посудой, в углу прислонены коса и деревянные грабли, рядом висит ржавый серп.

Посреди избы – длинный стол. На нем что-то вроде плетеной дорожки, а на ней – глиняная миска с почти настоящей картошкой и кувшин, наверное, с квасом. Краюха черного хлеба. На краю стола – деревянные ложки.

– Семь штук, – зачем-то пересчитал их Алешка. – Большая семья. Семь штук. Да еще восьмой – голенький в корыте.

– Это не корыто, – сказал я, – это люлька.

Но самый приколом был не в этом. Самый приколом был в том, что за столом сидели люди. Ну, не настоящие, конечно, а вроде манекенов. Лохматый мужик с бородой – он делал вид, что чинит старый хомут. И пацан Лешкиных лет – он делал вид, что пишет гусиным пером, заглядывая в старинную книгу. «Букварь», наверное. Они, должно быть, изображали членов крестьянской семьи – папашу и старшего сына.

Жутковато было на них смотреть. Так и ждешь, что мужик повернет голову и сердито спросит:

– Чего уставились? Делать вам нечего?

А пацан высунет, дразнясь, свой язык.

– Ну и чучела, – сказал Алешка. – Прямо как живые.

– И никакие не чучела, – сказала с обидой подошедшая светловолосая девушка. – Нормальная семья. Трудолюбивый отец и старательный мальчик. Не муходуй какой-нибудь.

– Не кто? – переспросил Алешка, наморщив лоб. – Не мухойбой?

– Муходуй. Так в старых семьях называли самых ленивых и нерадивых. Которым никакое дело нельзя было доверить. Кроме этого.

– На мух дуть? – спросил и я. – Чудно как-то. Кому бы в голову пришло сидеть и со скуки на мух дуть?

Девушка терпеливо объяснила:

– В крестьянской избе всегда стоял жбан с квасом. И в него, конечно, попадали мухи. И прежде чем пить, их сдували в сторону. Вот такое дело и поручали муходую.

– Вроде как баклуши бить, – показал я свою образованность. Бить баклуши – значит раскалывать полешко на чурочки, из которых потом мастер будет вырезать деревянные ложки. Не очень мудрая работа.

– Бывает и покруче, – кивнула девушка. – В некоторых краях на очень глупого человека могут сказать в сердцах: «Ну ты и пенек! На тебе только баклуши бить».

– Какая грамотная девушка, – шепнул мне Алешка в ухо. – Я по сравнению с ней муходуй какой-то.

Мы перешли в следующий зал. Он оказался тоже интересным. Он рассказывал об истории города и об его замечательных и знаменитых людях.

Сразу возле двери висел красный плакат и на нем было написано: «Наш город дал стране генералов – 10, ученых – 6, актеров – 3, героев труда – 2, балерин – 1, писателей – 1, певцов – 1,5».

Под этим плакатом в два ряда красовались фотографии и портреты генералов и актеров. Эти два ряда продолжились изображениями других знаменитых людей города. И незнаменитых тоже. Они все назывались почему-то «сословиями». Портрет бородатого, в жилетке с часовой цепочкой купца Иволгина, портрет полицмейстера, портрет чиновника, портрет дворника – очень интересный. Он стоял в длинном фартуке с бляхой на груди, в фуражке, приставив метлу к ноге как винтовку. Портрет гимназистки в белом фартучке, с длинными косами, переброшенными на грудь. Портрет сказительницы – худенькой старушки в платочке, похожей на Митревну. Портрет доктора, похожего на Чехова – пенсне и острая борода, внимательные глаза.

Мы даже немного устали их разглядывать и пошли дальше вдоль стены. И сразу же остановились возле увеличенного из старинной летописи рисунка старинного художника. Распахнув руки, вдетые в белоснежные крылья, парил над городом летучий человек, а внизу, задрав головы, орали от страха, зависти и восхищения его древние нелетучие современники.

– А крылья? – Алешка стал озиаться в надежде, что где-то здесь, в качестве экспоната, висят на стене крылья из лебединых перьев. Шапки-невидимки тоже не было видно. Но это понятно – на то она и невидимка.

– Крылья сжег священник! – сказала девушка. – Еще вопросы?

– У меня вопрос, – сказал я и поднял руку, как в классе, на уроке. – Почему ваш замечательный город подарил стране только полтора певца?

Девушка засмеялась. И объяснила:

– Вообще-то их было ровно два. Один бас, а другой тенор. Так вот, тенор сначала пел в Москве, а теперь поет в Нью-Йорке. Мы его нашим поэтому только наполовинку считаем. Что вас еще заинтересовало?

– Шапка-невидимка, – заявил Алешка.

– Это легенда. Кстати, меня зовут Олей, а вас? Очень приятно. Наш край славится своими легендами. Вот, посмотрите. – Она подвела нас к витринке, где под стеклом лежала толстая книга в кожаном переплете.

Эта книга называлась «Сказанія древняга Липовска».

– Здесь собраны предания обо всех наших чудесах. О русалках, домовых, леших, баенных...

– А это что за фишка?

– Ну, это вроде домового, который в бане живет. Его еще банником называют. Он вообще-то довольно вредный. Не любит, когда в бане до вечера задерживаются, сердится. Ему ведь спать пора. Может за это ледяной водой окатить, венником очень больно отхлестать. – Оля подошла к картине, на которой была изображена речка (Липовка, наверное) в густо заросших лесом берегах. Над водой низко нависли облака, под ними летели птицы, а у самого берега на гладком камне сидела девушка и расчесывала длинные волосы. – А это русалка, – торжественно объявила Оля. – Она жила в глубоком омуте, возле водяной мельницы. Ее очень часто видели. Но она всегда успевала нырнуть в воду.

– Стоп! – сказал Алешка. И добавил очень серьезно, тоном профессионального критика: – Кажется, я узнаю кисть мастера.

– Молодец! Ты угадал. Это картина Шишкина. Только не того, который написал «Мишек на отдыхе»...

– «Утро в сосновом лесу», – строго поправил Алешка. – Продолжайте, пожалуйста.

– Это не тот Шишкин, а наш современник. Майор милиции. – При этих словах Оля немного покраснела.

Не сомневаюсь, что Алешка это заметил. Но виду не подал и деловито спросил:

– А у вас еще его картины есть?

– А как же!

– Покажите, пожалуйста.

– Легко. – Оля подвела нас к стенду, на который мы не сразу обратили внимание. – Вот, чудные акварельные портреты.

Алешка уткнулся в портреты носом и вслух прочитал подписи:

– «Дочь купца Иволгина», «Дворник Герасим», «Колдун».

– Две первые акварели, – объяснила Оля, – он скопировал с фотографий, а колдуна писал с натуры.

Этот, который с натуры, был здорово нарисован. Прямо настоящий колдун. Здоровенный такой, толстенный. И ничего в нем колдовского вроде бы и не было, на первый взгляд. Вот только над его левым плечом прямо в воздухе висела горящая свеча. И она так освещала его лицо, словно хотела, чтобы мы поскорее его запомнили.

Мы вышли из музея, и вдруг Алешка круто развернулся.

– Теть Оль, – спросил он, – а при чем тут белый медведь-то? У вас разве в раннее время по Липовой белые медведи ходили? С подносами?

– А... Старую гостиницу построил купец Иволгин...

– Это которая «ца Пари»?

– Ну да. И в холле стоял этот медведь. Знатные люди бросали ему на поднос свои визитные карточки. Купец их собирал и потом ими хвалился.

– Что-то скучно он жил, – посетовал за купца Алешка. – Лучше бы что-нибудь другое собирал.

– Он и собирал. Деньги, например. И, говорят... – Оля сделала большие глаза, – говорят, что во время революции все свои сбережения спрятал где-то в подвале гостиницы.

– Поискать, что ли? – небрежно бросил Алешка. Великий кладоискатель.

Глава III «Ца пари»

Из музея я пошел направо, а Лешка прямо.

– Ты куда? – спросил я.

– Как куда? – Алешка безмерно удивился. – На Русалкин камень посмотреть.

Он сказал эти слова тоном полководца, который намеревается оглядеть в бинокль поле предстоящего сражения.

– А ты куда?

– В буфет. Обедать пора.

– Тебе бы все обедать!

– И ужинать. – Я начал злиться.

Но Лешка почему-то спорить не стал. Только сказал, что надо зайти в наш «угловой люкс» за плавками.

– Обедать в плавках будем? – съехидничал я.

– Как хочешь. – Алешка усмехнулся. – Хоть вообще без штанов. А мне нужно речку осваивать. Ты вообще, Дим, еще многого не понимаешь.

– Ты больно много понимаешь! Ты у нас в семье самый умный!

– А ты, Дим, у нас самый... – Алешка на всякий случай отшагнул в сторонку. – Ты самый... невнимательный. Ты ничего не знаешь.

– А ты все знаешь?

– Еще не все. Но я знаю, зачем сюда приехал папа.

– На сене повалиться! Он сам говорил.

Алешка хихикнул, еще отшагнул и покрутил пальцем у виска.

– Он кое-кому кое-что еще говорил. Он сюда приехал, так как кое-что узнал.

Тут мне стало смешно. И я сказал:

– Он приехал, потому что Герасим Муму утопил русалку. В подвале «ца Пари».

– Он приехал сюда, Дим, – серьезно сказал Алешка, – потому что здесь готовится опасное преступление. И папа должен его обогнать.

– Кого обогнать?

– Ну, не обогнать, а предупредить... В общем, предотвратить. Всех их заловить и засадить.

– Да, – сказал я грустно, – ты, Лех, немного переучился. Ты ходил в школу каждым утром в любую погоду. Три года подряд.

– А ты, Дим, – спокойно сказал Алешка, – еще больше переучился. В любую погоду.

– Это еще почему?

– Потому что ты девять лет в школу ходил. Перестарался. – И попробовал мне объяснить, намеком: – От кого колдун Максимыч старый дом охраняет? Не знаешь?

– Не знаю, – признался я.

– Вот и я не знаю. Но я узнаю! Пошли обедать и купаться возле Русалкина камня.

Убийственная логика.

Мы пошли за плавками. Заодно и пообедать. Охранник Кистинтин сидел на своем обычном месте – в стеклянной будочке, где на стене висело множество ключей от гостиничных номеров – штук пять, наверное.

А жили в гостинице только мы и археологи. И персонала здесь почти никакого не было. Администратора мы ни разу не видели – делать ему в гостинице было нечего, и он по совме-

стителству торговал неподалеку в какой-то палаточке без ущерба для основной деятельности. Потому что постояльцы тут были большой редкостью. Я так понял, что и папу поселили здесь, чтобы он особо не «светился» на месте будущих событий. Общались мы в основном с тетей Ньютой и с этим Кистинтином, очень ленивым и нудным парнем. Он даже частенько, по лености, не договаривал концы фраз. Подойдешь к нему за ключами, а он:

- Ну что вы все туда-сюда? Нормальные люди не так.
- А как? – спросил я.
- Нормальные люди утром один раз уходят, а вечером один раз приходят.
- Два раза получается, – подсчитал Алешка.
- Где два? Где два?
- Один раз утром, один раз вечером. Раз и раз – два раза.
- Не путай мне голову.

Вот и поговори с ним.

Когда мы подошли к будочке за своими ключами, Кистинтин как раз набулькал воду из пластиковой бутылки в стакан, махом его опрокинул, провел ладонью под носом:

– Эх! Хорошо! Как вновь родился. Хороша водичка. Живая! Родниковая. Чего пришли-то? Опять туда-сюда? Огольцы! Держи. – Он снял с доски ключ от нашего номера и протянул мне.

Когда Кистинтин вновь забулькал живой родниковой водой, Алешка незаметно толкнул меня локтем в бок и стрельнул глазами. Я проследил его взгляд, но ничего особенного не заметил. Кроме того, что к доске с крючками для ключей была пришпиlena кнопкой небольшая бумажка. Вроде фотографии.

Забрав ключ, мы пошли к лестнице. В гостинице днем обычно было пусто и тихо. Археологи сюда приходили только ночевать. Тогда, вечером, становилось шумно и весело. Они без конца гремели чайниками, бегая с ними по коридору, хлопали дверьми и громко пели всегда одну и ту же песню. Видимо, собственного сочинения, с веселеньким припевом:

Я не скрою, я не скрою:
Я чего-нибудь нарою!

Алешке почему-то эта немудреная песенка понравилась. И он частенько бормотал ее припев. А я подумал: он нароет! Он уже что-то нарыл. Я это понял, когда мы вошли в свой номер.

- Видал? – спросил Алешка. – Фишка!
- Где? – Я огляделся. Но фишки не обнаружил.
- У него на доске с ключами фишка! – Алешка рассердился. – Я же тебе показал! Это же фотка из газеты!
- Ну и что? – Я тоже рассердился. – Фотка английской королевы?
- Фотка русалки!
- Настоящей? С рыбьим хвостом?

Ехидничал я зря. Алешка, оказывается, обладая цепким взглядом, собрал вокруг себя пока еще невнятную информацию. В доме майора Шишкина он заметил живописный портрет Олечки из музея. Она была очень красиво нарисована на прибрежном камне в виде русалки с распущенными волосами. И такой же портрет, но только в виде фотографии из газеты, он заметил на доске с ключами, когда Кистинтин пил живую воду.

– Тут, Дим, – сказал Алешка, – назревает целый клубок взаимоотношений. Бери плавки, пошли обедать.

Плавки мы надели под штаны, пообедали в буфете любимыми котлетами и пошли на реку. Для начала покачались на подвесном мостике, посидели на теплом Русалкином камне.

Напротив него, на той стороне реки, виднелись какие-то деревянные развалины.

– Поплыли туда! – скомандовал Алешка. – Рыбалку разведаем.

Мы переплыли узенькую речку и повисли, отдыхая, на каких-то древних сваях, обросших зелеными космами тины. Здесь было здорово глубоко и вода была очень холодная.

– Это омут, – сообщил Алешка со знанием дела. – Тут водятся окуни. Спорим?

Спорить я не стал, но закинуть здесь удочки не откажусь – место точно рыбное. Клевое, как сказал Алешка.

Я оттолкнулся от скользкой сваи и погрузился в воду, подняв вверх руки. И не очень скоро мои ноги почувствовали липкий холодный ил. Я поскорее вынырнул.

– С ручками! – обрадовался Алешка. – И русалки тут водятся, и окуни. Завтра с удочками придем.

– Я русалок ловить не буду, – сказал я. – Мне их жалко.

– А нам их и не на что ловить. Они на червяков не клюют.

– А на что они клюют? – Мне стало интересно.

Алешка расхохотался так, что чуть было не свалился со своей сваи в воду.

– Чему вас только в нашей школе учат? Дим, они клюют на майоров милиции.

К этому времени я уже тоже сидел рядом с ним на свае. Она выскользнула из-под меня, и я плюхнулся в воду. Хорошо, что я не стал смеяться под водой.

Когда я вынырнул и откинул со лба волосы, Алешка серьезно посоветовал:

– Ты тут поменьше окунайся. Здесь же в стародавнее время мельница была.

– Ну и что?

– Ты какой-то темный человек, Дим. Ничего не знаешь. На мельнице всегда всякие черти и водяные водятся. Не знал, что ли?

Я быстренько подтянулся и влез на сваи, Алешка усмехнулся.

– А при чем здесь майор милиции? Кто тебе сказал?

– Папа, – спокойно объяснил Алешка. – Только он не мне это сказал, а Шишкину. – И Алешка произнес папиным голосом: «Ты бы, майор, пореже в музей заглядывал, а почаще – в отделение».

Мы сидели на скользких сваях, прямо над глубоким омутом. Над нами светило яркое летнее солнце. Влажный ветерок доносил из города запах цветущих лип. И мне было совершенно неинтересно разбираться в каком-то назревающем клубке.

– Мы герои, мы герои, – вдруг пропел Алешка, – мы чего-нибудь нароем!

– Давай лучше нароем удочки, – с раздражением сказал я. – И червей.

– Успеем еще, все лето впереди. Никуда эти черви не денутся. А изо всяких взаимоотношений, Дим, вырастает, знаешь что? Преступление. Нужно улики нарыть. Пока не поздно.

Мне хотелось дать ему подзатыльник, но я побоялся, что он свалится в воду. К тому же я знал, спорить с ним бесполезно. Ну не создан он для спокойной жизни. Ему необходимо создавать вокруг себя беспокойство. А потом в этом беспокойстве ловить русалок на червей.

– Мы нароем, мы нароем, – опять запел Алешка. – Нас ведь трое, нас ведь трое!

– Откуда трое? Папу посчитал?

– Нет, – Алешка повернулся ко мне задумчивым лицом. – Максимыча. Этого колдуна из подвала.

– Команду собираешь? – мне стало смешно. – Из колдунов, домовых, русалок... Сказок наслушался.

– Лучше туда-сюда, чем как все.

Объяснил...

Папа приехал поздно. Не только озабоченный, но и уставший. После ужина он сказал:
– Вы погуляйте, а я у телевизора подремлю. Трудный был день. А у вас?
– Нормальный, – успокоил его Алешка. – С нечистой силой познакомились. Со всякими баенными. Но еще не со всеми.

– Продолжайте, – сказал папа, усаживаясь в кресло. – Только на улице, ладно? – И он включил телевизор. – Кстати, а «баенный» – это что за зверь?

– Домовой вроде. Но только он в бане живет. Кипятком шпарит.

– А почему тогда не банный?

– Банный – это веник, – со знанием дела объяснил Алешка. Хотя в бане он ни разу в жизни не был. И наверняка уверен, что березовые веники в парилке – это что-то вроде сурового наказания. – А баенный – это...

– Говорил уже. – Папа зевнул. – Пока.

– Сейчас эта Муму опять заворчит «туда-сюда», – шепнул мне Алешка, когда мы спустились на первый этаж.

Не знаю почему, но Алешка очень часто называл Кистинтина то Герасимом, то Муму. Может, потому, что он был очень похож на дворника с музейной фотографии.

Но Муму не заворчала. Кистинтин, похрапывая, спал на своем рабочем месте. Живой воды напился.

– Давай ключи поснимаем, – предложил Алешка, – и где-нибудь спрячем.

– Зачем?

– А чтоб ему попало. Чтоб не спал на работе.

– Не пойдет, – возразил я. – Археологи придут с работы, а ключей нет.

– Жаль. – Алешка заметно огорчился. – Мне этот Кистинтин почему-то не нравится.

Мы вышли на улицу, и нас сразу охватил теплый и душистый летний вечер. И очень тихий, непривычно как-то. Не слышно ни машин, ни людей, ни музыки. И коз тоже не слышно. А над Б. Липовой поднималась круглая желтая луна. В ее свете городок казался таинственным и загадочным. Как сотни лет назад. Словно опять настало время домовых и колдунов с ведьмами.

– Ты думаешь, папа телевизор смотрит? – неожиданно спросил Алешка. – Он нас прогнал, чтобы по телефону секретно поговорить. – И мечтательно протянул: – Я бы подслушал.

А я бы нет. В такой волшебный вечер хорошо посидеть на лавочке у калитки старого дома и посмотреть, как все выше взбирается в небо красивая луна. И послушать, как иногда попискивают в гнездышках птицы – им ведь тоже, наверное, что-нибудь снится. Червячки, например, мухи. Или кошки.

– Размечтался? – прервал мои лирические мысли Алешка. – Пошли в эту самую «ца Пари». А то как полночь приблизится...

– В полночь я под одеялом буду, – решительно отрезал я.

– Как получится, – буркнул Алешка. – Пошли.

Старый отель в свете луны выглядел соответственно – загадочно и мрачно. Облупленные стены, черные провалы окон. Да там еще и подвал какой-то, с призраками повешенных утопленников.

– Не бойся, – весело сказал Алешка, – я сам боюсь.

И тут в дальнем окне первого этажа вспыхнул легкий дрожащий огонек. Мы разом отскочили к дереву, спрятались за его ствол, замерли.

Огонек подождал на месте, а потом двинулся вдоль окон. Появляясь то в одном из них, то в другом, по очереди. Приближался к нам. Казалось, что внутри дома, как бы по длинному, во весь фасад, коридору, кто-то идет со слабым фонариком или со свечой.

Стало не только страшновато, но еще и интересно. Мы подобрались поближе. И увидели, что в доме, от окна к окну, и правда, неторопливо идет человек, держа перед собой свечу.

Он был большой и сильно пузатый. Он шел, задумчиво опустив голову почти что на свой круглый живот, заложив руки за спину...

Как – заложив?! Я даже подпрыгнул. Руки за спиной, а свеча... А свеча неспешно плывет перед ним, и чуть колеблется язычок ее огонька.

– Колдун! – шепнул мне Алешка. – Во дает!

Я Алешкиного восторга не разделял. Я был, как писали в старинных романах, во власти липкого страха. Похожего на ужас. Хотя, в общем-то, ничего ужасного не произошло.

Свеча погасла возле дверей подъезда. Послышался скрежет ключа в замке, дверь распахнулась, вышел из дома большой пузатый человек. Совсем не страшный. Он опять вставил ключ в скважину, теперь с внешней стороны двери, повернул его со скрипом, да еще и навесил большой ржавый замок. Все это было очень хорошо видно в ярком свете луны.

Отбрасывая на землю длинную черную тень, толстый человек обогнул фасад и остановился с торца здания, у входа в подвал. Спустился на несколько ступеней, опять загремел ключами...

Я не успел ухватить Алешку, как он уже оказался за спиной толстяка.

– Здравьете, – смело сказал Алешка. – Это вы Максимыч? Который колдун?

Человек медленно обернулся, поднялся по ступеням и с высоты своего роста оглядел нас.

И гулко проговорил:

– Какой я колдун? Я сторож.

– Но это вы всякие фокусы делаете?

– Фокусы в цирке делают. А вы кто такие?

– Дети Шерлока Холмса.

Он опять со своей высоты оглядел нас, одобрительно кивнул:

– Похожи. Особенно мелкий. Как звать-то?

– Алешка, – сказал я.

– Димка, – сказал Алешка.

Максимыч улыбнулся:

– Скорее – наоборот.

– Вы, что ли, очень умный?

– Прозорливый. Я вас насквозь вижу.

Похоже, он говорил правду. У него был такой взгляд... Добрый, но очень внимательный.

И насквозь понимающий.

– А вот эта ваша свеча?.. Как она у вас... плавает?

– А кто ж ее знает? – Он опять улыбнулся. – Каждая вещь своей жизнью живет. Ты, главное, ей не мешай.

Что-то знакомое послышалось в его словах. Далекое что-то... Почти забытое... Вспомнил! Когда Алешка был совсем маленький, он однажды замучил нас всех одним вопросом: «А стул, например, он про себя чего-нибудь думает?» Кажется, мы тогда не только не смогли ему ответить, но даже и не поняли, что он имеет в виду. Лишь папа уставшим голосом пробормотал: «Философ!»

Вот и тут что-то похожее. «Каждая вещь своей жизнью живет». И, наверное, думает. Интересно, что думает о нас тот же стул, который мы небрежно пинаем ногами и теми же ногами становимся на него, если надо что-нибудь с верхней полки достать. Ум за разум зайдет!..

– А вы, вообще-то, откуда взялись? И что здесь делаете?

– Взялись из Москвы, – ответил Алешка. – Приехали немного отдохнуть и с преступностью побороться.

Максимыч покивал с одобрением:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.